

Л.В.Дьякова

Гуманистическое движение в Латинской Америке

Мировоззрение и социально-политическая практика

Всегда — и в момент становления, и в настоящее время, — занимаясь международной деятельностью или конкретной социально-политической практикой, гуманисты подчеркивали, что вся их активность неразрывно связана с философией и мировоззрением идеолога движения — Марио Луиса Родригеса Кобоса (Сило).

В основе «силоизма» — идеологии гуманистов — принципы ненасилия, демократии, толерантности, защита права человека на свободу и самореализацию, оправдание поиска счастья и смысла жизни. Сило писал многочисленные эссе, «Письма друзьям», философские рассказы. Его самым серьезным теоретическим произведением явилась трилогия «Очеловечить жизнь на Земле» — философское размышление, посвященное проблемам внутреннего мира личности и месту человека в современном обществе¹. Концепция, изложенная в этой работе, глубоко эклектична и представляет собой попытку синтезировать несколько наиболее ярких идей западноевропейской философии XX в. Опираясь на хорошо разработанный теоретический фундамент, используя богатый практический опыт различных течений экзистенциальной психологии, автор стремился придать своим произведениям особый литературный стиль и концептуальную завершенность. Однако в контексте более глубокой культурно-философской традиции представляются особенно очевидными и компилятивностью содержания, и ограниченность авторской позиции, изложенной очень претенциозно, без упоминания иных взглядов и имен, без полемики с альтернативными точками зрения.

Размышления Сило о кризисе современной цивилизации, о человеческой жизни, о месте личности «в обществе потребления» пересекаются с жесткой критикой неолиберальной модели развития, ее социальных последствий². Эта критика направлена на стереотипы экономического благополучия и безудержного потребления, господствующие в современной западной цивилизации и приводящие к деградации общества и личности³.

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2014, № 8.

В то же время рыночный принцип приоритета экономической эффективности во всех сферах жизни, разрушая человеческие отношения, губительно сказываясь на развитии личности, по-своему формируя молодые поколения, не дает ответа на самые важные вопросы человеческого существования и только обостряет экзистенциальные вызовы. «Мы говорим о ситуации бытийного кризиса, в который все мы оказываемся погружены, и, соответственно, о разрыве культурных понятий и убеждений, в которых мы воспитывались, — отмечал Сило в своей лекции, прочитанной в Москве, в Российской Академии наук, в июне 1992 г.⁴. — Современная кризисная ситуация относится не к разделенным цивилизациям, как было в прошлые времена... В процессе растущей глобализации, который мы переживаем, мы должны интерпретировать факты, исходя из глобальной структурной динамики. Однако мы видим, что все распадается, что национальное государство страдает от ударов местного сепаратизма снизу и от регионализма и глобализации — сверху; что люди, культурные нормы, языки и материальные блага смешиваются в одной фантастической Вавилонской башне... что растет пропасть между поколениями, как будто в одном и том же пространстве и времени существуют субкультуры, разделенные своим прошлым и своими проектами будущего; что члены семьи, товарищи по работе, политические, социальные и трудовые организации испытывают действие центробежных, дезинтеграционных тенденций; что солидарность прошлого исчезает, все сильнее растворяясь в социальной ткани; и что, наконец, современный человек, сталкивающийся со все большим числом людей в своем «каждодневном пейзаже» и с большим, чем когда либо, количеством средств коммуникации, оказывается все более изолированным и одиноким»⁵.

Одиночество человека в мире, становящемся все более глобальным; безысходность; кризис цивилизации; отсутствие ответов на самые острые вопросы жизни; утрата старых и поиски новых смыслов... Можно было бы сказать, что эти идеи вечны, и в то же время в них нет ничего оригинального для философии и экзистенциальной психологии конца XX в., особенно принимая во внимание имена выдающихся социально-политических мыслителей Запада, занимавшихся проблематикой современности и вошедших в идеологию силовизма. Более того, претензии на философскую исключительность сразу настораживают читателя, уже встречавшего нечто похожее (но только написанное более сложным и глубоким языком) в работах Эриха Фромма, Карла Густава Юнга, Виктора Франкла, Сержа Московичи, Хосе Ортеги-и-Гассета⁶.

Тем не менее при более объективном подходе позиция автора становится понятнее: дело в том, что любая традиция, известное имя или особенности культуры интересуют его постольку, поскольку они интересны и знакомы массовому читателю. Аудитория Сило — это не интеллектуалы, прослушавшие университетские курсы западной философии, а более широкая, не слишком искушенная, но увлеченная публика, действительно стремящаяся своими усилиями, не рассчитывая на помощь государства, изменить к лучшему как собственную жизнь, так и жизнь своих близких.

Ориентируясь в основном на массовое сознание и создавая своего рода популярную массовую философию, Сило осуществил талантливую компиляцию различных гуманистических концепций, «фантазию на тему» че-

Марио Луис Родригес Кобос (Сило)

человеческие отношения, массовую культуру и существует в различных ипостасях, по-разному проявляясь в политике, экономике, религии, культуре. Согласно его точке зрения (почерпнутой в основном из работ Фромма, Франкла и Юнга) источником «глобального» насилия является, прежде всего, насилие человека над самим собой, отказ от своей неповторимой индивидуальности, вызывающий чувство дисгармонии и страха, потерянной свободы, личной несостоятельности и бессмысленности жизни. Поэтому и преодолевать насилие необходимо изнутри, ориентируясь на проблемы и возможности конкретной личности.

Отвечая на вопрос о том, что может быть противопоставлено насилию, Сило выбирает этику активного ненасилия, отвергая как пассивность, так и агрессию. Автор признает принципиальные ценности гуманистического ненасилия как философии и образа жизни, «основанных на верховенстве правды и любви», и предлагает программу творческого, действенного ненасилия, связанного с идеей безусловного уважения к человеческой личности, верой в ее возможности и ресурсы. Акцент на индивидуальности человека, уникальности проживаемой им жизни, стремление рассматривать и философию, и политику в человеческом измерении, «с высоты человеческого роста», является ключевой и наиболее привлекательной особенностью силоистской концепции. Неотъемлемой частью этого мировоззрения стала также идея свободы личности, понимаемая в первую очередь как право на неограниченный выбор жизненного пути. Один из деятелей Аргентинской гуманистической партии Луис Милани в начале 90-х годов так объяснял позицию гуманистов: «Мы считаем, что мы влюблены в жизнь, но мы также любим свободу, безграничную свободу, я бы сказал — сверхсвободу. Если ущемить свободу человека, то это неизбежно приведет и к другим ограничениям, которые могут нарастать бесконечно...»⁷.

Следует оговориться, что глубокое понимание неоднозначности, противоречивости, подчас трагедийности человеческой свободы («Ты свободен — можешь опуститься на низшую ступень животного мира, но можешь и подняться до высших божественных сфер», — пишет Карл Ясперс)⁸ — совершенно несвойственно рассуждениям ни Сило, ни его последователей,

ловека, смысла жизни, поиска себя. Его работы содержат размышления о жизненных кризисах и циклах, об одиночестве, отношениях человека с миром и другими людьми, о дегуманизации современного общества и т.д.

Причиной неразрешимых трагических противоречий в развитии цивилизации Сило считает насилие, которое пронизывает всю систему западных ценностей,

как несвойственна им и подлинная философская рефлексия о многогранности человеческой личности, о различных пониманиях смысла жизни и различных вариантах самой жизни, о чем много и талантливо писали европейские и российские философы и психологи. (Неслучайно одна из лучших книг XX в. так и называется — «Бегство от свободы»⁹!)

Все внимание автора концентрируется на преимуществах действительно свободной жизненной позиции отдельного человека, отождествляемой с конструктивной, творческой деятельностью, способностью к самосовершенствованию, к непрерывному процессу «смыслообразования», поиску себя, помощи другим. «Полюби реальность, которую ты создаешь, и тогда даже смерть не задержит твоего полета»; «Ты не выполнишь свою миссию, если не приложишь всех сил, чтобы победить боль и страдание в тех, кто тебя окружает», — писал Сило в одной из своих работ¹⁰. Его главная идея — преобразование многих через гармоничное развитие отдельной личности. В первую очередь человек должен начать с самого себя, с анализа своей жизни, преодоления своих неудач в прошлом и настоящем, с «освобождения себя от страдания». Самоосвобождение во имя счастья — одно из ключевых понятий силоистской концепции. Человек, вступивший на этот путь, учится быть творцом своей судьбы, своих отношений с окружающим миром, проникается радостью жизни и в то же время ответственностью за жизнь, что пробуждает в нем способность противостоять любым проявлениям насилия (государственного, социального, личностного).

Таковы в общих чертах основные этические принципы «силоизма», положенные в основу программных установок Гуманистического движения. Впоследствии, уже в 2000-е годы, эти размышления были продолжены и развиты последователями Сило — аргентинцем Уго Новотным (много лет прожившим в Москве и прекрасно владеющим русским языком), итальянцем Сальваторе Пуледдой, чилийкой Пиа Фигероа, испанцем Рафаэлем де ла Рубиа. Одни из них (например, П.Фигероа, написавшая книгу о Сило) акцентировали внимание на традициях мировой философии, положенных в основу мировоззрения Сило, воспоминаниях о личных встречах и беседах, опыте общения с ним¹¹. Другие (особенно Уго Новотный) активно занимались описанием различных религиозных и психологических практик, связанных с пограничными, критическими состояниями человека, — болезнью, утратой близких и прощанием, уходом за тяжелобольными, осознанием расставания с жизнью. Выдержки из книг Сило, его «Письма» и «Послания», его стиль прямого обращения к читателю, диалога и убеждения были активно использованы в этих работах¹².

Признавая взаимосвязь различных вариантов и уровней деятельности Гуманистического движения, необходимо отметить следующее. Международная деятельность гуманистов всегда была связана с проведением конгрессов и акций, как правило, не особенно связанных с национальной реальностью (за разоружение, против господства транснациональных компаний и т.д.). Гуманисты участвовали в большой политике своих стран, но успеха практически не добивались, получая в разные годы от 0,06—0,3% (Испания, Португалия) до 2,0—5% (Аргентина, Чили) голосов на парламентских и президентских выборах. Но важно другое: многообразные «низовые» инициати-

вы собственно «Движения» стали неотъемлемой частью жизни латиноамериканского гражданского общества.

Получилось так, что весьма абстрактные идейные воззрения аргентинского философа, выраженные к тому же в весьма нарочитой форме писем, эссе, бесед, подвергнутые значительному, по сравнению с первоисточником, упрощению в программе вдохновленного ими социального движения и в интерпретации последователей, оказались направлены на вполне реального, живущего в условиях повседневных проблем, обычного человека.

«Принципы Сило», воспринятые участниками движения очень жизненно и конкретно, стали основой для разветвленной и эффективной практической деятельности гуманистов «на местах» — преимущественно в бедных кварталах крупных городов, среди соседских общин, в созданных ими кружках и клубах. Идеология гуманистов отразила социально-психологические ожидания представителей определенных общественных групп, пытающихся найти выход из экзистенциального кризиса, из жизненного тупика, из разочарования современным обществом. И то, что выход этот предлагался на уровне не самой высокой философской рефлексии, а претворялся в жизнь в «барриос» Сантьяго или Буэнос-Айреса, вполне соответствовало и ситуации, и общественной потребности.

Социальную базу «Движения» составили представители различных групп общества — от альтернативно настроенной молодежи, студентов и активных домохозяек до офисных служащих, университетских и школьных преподавателей и выходцев из средних и даже высших слоев, нацеленных впоследствии на профессиональное занятие политикой. Идеология гуманистов предоставляет широкие возможности для самореализации и социально-политической активности всем, кого не удовлетворяет участие в традиционных партиях и структурах, кто готовился проявить себя в общем деле, окрашенном романтикой альтернативных идей и критикой общества потребления и одновременно разнообразить свою собственную жизнь.

Наиболее характерным примером деятельности Гуманистического движения — и на партийно-политическом уровне, и в качестве организаций гражданского общества — явилась практика чилийских гуманистов.

Чилийская гуманистическая партия была создана в 1984 г. при участии ряда активистов — оппозиционеров пиночетовскому режиму, которые не стремились ассоциировать себя ни с компартией, ни с социалистами альендистского типа. После принятия Закона о партиях 1987 г. она легализовалась и первоначально вошла в состав левоцентристской коалиции Партии за демократию (Concertación de Partidos por la Democracia, Concertación), пришедшей к власти в результате демократических выборов 1989 г., обозначивших и конец режима А.Пиночета¹³.

Однако в 1993 г. Гуманистическая партия по идейным соображениям (несогласие с неолиберальной экономической политикой, слишком осторожным и медленным преодолением пиночетовского наследия и т.д.) вышла из состава Concertación, перейдя на позиции левой внепарламентской оппозиции и, соответственно, ища союзников. В качестве независимой политической силы гуманисты успеха не имели, а отдельные моменты типа избрания одной из самых ярких фигур Гуманистического движения, президента партии Лауры Родригес депутатом парламента в 1989 г.¹⁴ не меняли общей картины довольно пассивного отношения избирателей к гуманисти-

ческой партии. (В палате депутатов Л.Родригес выступала в защиту прав женщин, носителей СПИДа, пенсионеров, молодежи, стремилась улучшить качество и доступность системы здравоохранения, одной из первых предложила Закон о разводе, который был принят только в 2004 г.)

На президентских выборах 1993 г., победителем на которых стал христианский демократ Эдуардо Фрей, гуманист Кристиан Райтце получил 1,17% голосов, и это было самым впечатляющим персональным результатом гуманистов на протяжении 90-х годов.

На выборах 1999 г. опытный и обаятельный политик Томас Хирш оказался абсолютным аутсайдером, набрав в первом туре всего 0,5% голосов. (Президентом страны тогда был избран выдающийся лидер, социалист Рикардо Лагос.) Т.Хирш, имевший задатки политического лидера и шансы привлечь большее число сторонников, расплатился за нежелание своей партии идти на создание предвыборного объединения с другими левыми, в первую очередь — с близкими по духу и программным требованиям коммунистами. В 2005 г. эта ошибка была исправлена, Хирша и гуманистов ждал относительный успех в составе коалиции «Вместе сможем больше» («Juntos podemos más»), основу которой составила также Коммунистическая партия Чили (Partido Comunista de Chile, PCCh). В первом туре коалиция получила 5,35%, что можно считать значительным результатом данного проекта.

В своих программных заявлениях и в ходе предвыборной кампании Хирш и другие активисты критиковали и правых, и Concertación в основном с морально-этических позиций. Одних — за жесткую экономическую линию и скрытую, как им казалось, поддержку «пиночетизма», других — за то, что они давно уже не подлинны социалисты и не христианские демократы, а политические функционеры, поддерживающие неолиберальный экономический курс. Однако, несмотря на критику существующих правил игры и заявления о своей особой позиции в чилийской политике, объединение «Juntos podemos más» не являлось радикально-экстремистским, его программа носила скорее социально-утопический характер и пользовалась популярностью среди узкой альтернативно настроенной группы избирателей. В итоге во втором туре выборов, принеся победу социалисту Мишель Бачелет, гуманисты призвали своих сторонников поддержать ее кандидатуру. Тем не менее 5,35% голосов, полученных Хиршем и коалицией «Juntos podemos más», стали серьезным основанием для критики сложившейся в стране так называемой биномиальной системы, при выборах в конгресс отдающей предпочтение двум крупнейшим коалициям правого и левого центра¹⁵.

На президентских выборах 2009 г., в результате которых президентом страны был избран Себастьян Пиньера, гуманисты разошлись с PCCh и поддержали самого неожиданного кандидата на президентский пост — скандального «enfant terrible» чилийской политики 36-летнего Марко Энрикеса-Оминами, получившего в первом туре 20,12% голосов и занявшего третью позицию. Бывший социалист, порвавший со своей партией, он выступил сразу против всех — и официальных левоцентристов, представленных Con-certación, и победившей в итоге правой оппозиции. Его результат был расценен как беспрецедентный успех новых альтернативных сил, выступающих за политические изменения, за обновление, в первую очередь — за

реформу сложившейся в Чили биномальной электоральной системы, сокращающей, по мнению многих, пространство демократии.

В течение всего президентства Пиньеры чилийские гуманисты действовали в рамках нарастающей леворадикальной тенденции, поддерживая протестующих студентов, требующих всеобщего бесплатного высшего образования и несогласных с предложенным проектом реформы, индейцев-мапуче, недовольных политикой всех демократических правительств вообще, региональные движения, недовольные отставанием развития ряда областей от центра страны. Как отмечала один из видных деятелей чилийской Гуманистической партии и автор книги о Сило П.Фигероа, гуманисты участвовали и будут участвовать во всех демонстрациях и кампаниях социального протеста. Они выступают за проведение Конституционной ассамблеи и принятие новой Конституции, бесплатное и качественное образование, полную национализацию меди (важнейшего продукта чилийского экспорта), за права коренных народов, сексуальных меньшинств, более справедливое распределение пенсий и реформу пенсионной системы, основанную на принципе частных вкладов¹⁶. Можно сказать, что это, безусловно, левоутопическая идеология, которая лишь слегка корректируется в зависимости от конкретной политической ситуации и предвыборных задач партии.

В ходе президентской избирательной кампании 2013 г. гуманистическая партия выставила своего кандидата — экономиста по образованию, социального активиста Марселя Клауде. В качестве предвыборной программы был предложен общий набор социально-политических идей, в которых основное внимание уделялось вопросам прямой демократии, охране окружающей среды, защите прав индейского населения, децентрализации государства, критике сложившейся модели экономического развития и т.д. Несмотря на то, что шансы М.Клауде на самостоятельный политический успех были невелики, он получил 2,8% голосов в первом туре и занял пятое место из девяти кандидатов на президентский пост, успешно выполнив главную задачу — демонстрацию участия в политической борьбе и в формировании протестных настроений, свойственных современному чилийскому обществу.

Победителем первого тура выборов стала, как и предполагалось, наиболее популярная политическая фигура — социалист Мишель Бачелет, в поддержку которой выступили 46,7% избирателей. В ходе второго тура, состоявшегося 15 декабря 2013 г., она с успехом подтвердила свою победу и стала президентом страны, получив 62,16% голосов.

В преддверии парламентских выборов 2013 г. Гуманистическая партия, президентом которой является молодой лидер Данило Монтеверде, вошла в состав разнородного левого объединения «Все — в Ла-Монеду» («Todos a La Moneda»), окончательно расставшись со своими многолетними союзниками — коммунистами. РСCh, объединившись с социалистами и христианскими демократами, вошла в коалицию Concertación, которая в связи с этими переменами изменила и свое существовавшее 20 лет традиционное название. Теперь это «Новое большинство» («Nueva Mayoría»).

Что касается альтернативного альянса «Все — в Ла-Монеду», то он был создан на основе небольших левых групп при участии, помимо гуманистов, Патриотического движения имени Мануэля Родригеса¹⁷ (Movimiento

Patriótico Manuel Rodríguez). Присоединение гуманистов к этому движению является настораживающим моментом. Известно, что эта партия, в настоящее время вполне легальная, эволюционировала из некогда ультра-радикального левого объединения, созданного по инициативе чилийских коммунистов в 1983 г. и известного под названием Патриотический фронт Мануэля Родригеса (Frente Patriótico Manuel Rodríguez). Члены этой группы, проходя специальную военную подготовку на Кубе, в годы военного режима занимались террористической деятельностью, похищениями и убийствами высокопоставленных военных, правых журналистов и политиков. В 1986 г. их лидеры организовали покушение на Пиночета, а в 1991 г. — на Хайме Гусмана — идеолога пиночетовского режима, создателя партии Независимый демократический союз (Unión Demócrata Independiente), затем — сенатора; в отличие от Пиночета, спасенного своей охраной и получившего несколько царапин, Гусман был убит. В настоящее время эта партия стала значительно более умеренной, полностью отказалась от вооруженной борьбы и террористических методов, хотя соответствующий имидж, связанный с прошлым, с опытом подпольной войны, похищениями и убийствами, изменить очень трудно. Присоединение Гуманистической партии именно к этой группе левых, в отличие от более реалистичной позиции коммунистов, свидетельствует о радикализации и маргинализации внутренних партийных установок.

Эта небольшая коалиция в составе гуманистической и других левых партий получила 17 ноября 2013 г. в ходе парламентских выборов 3,36% голосов в палате депутатов и 3,52% в сенате (не завоевав ни одного места), но и не потеряв возможности сотрудничать с другими альтернативными течениями. В частности, с партией М.Энрикеса-Оминами, значительно более популярного и перспективного политика и лидера. (Его объединение «Если ты хочешь, Чили изменится» получило 5,45% голосов и 1 место в палате депутатов и 2,48% и ни одного места — в сенате.)

Таким образом, приходится признать, что политической эволюции за последние 20 лет в Гуманистической партии Чили не произошло; она отказывалась от перспективных коалиций и оставалась, за редкими исключениями, подобными взлету в 2005 г., на обочине политической жизни. В то же время гуманисты продолжают участвовать в политической борьбе, не меняя название своей партии и сохраняя немногочисленную, но постоянную сферу влияния, свой индивидуальный и узнаваемый профиль. И это, безусловно, определенный результат. На фоне постоянного изменения названий и лозунгов других политических сил, например, созданных вокруг фигуры Энрикеса-Оминами, гуманисты подчеркивают не кандидатуру лидера, а свою идеологию и остаются верны базовым принципам Движения.

В то же время очевидно и другое. История партии наглядно продемонстрировала, что ни политическая борьба «в чистом виде», ни выдвижение собственных кандидатов на президентский пост, ни стремление критиковать «слева» сначала успешно правящую в течение 20 лет коалицию Concertación, затем — правоцентристское правительство Пиньеры не стали реальным вкладом сторонников гуманистического течения в общественно-политическую жизнь своей страны. Все перечисленное в отдельные исторические периоды достойно уважения, но не выходит за рамки обыч-

ной, не слишком успешной политической деятельности в пределах хорошо изученной и не всегда адекватной левой идеологии. Действительно заметным явлением, особенно в национальном контексте, стала низовая социальная практика гуманистов, реальная работа «на местах», имевшая и успех, и отдачу, и перспективы.

С начала 90-х годов и по настоящее время гуманисты стремились укрепиться на муниципальном уровне, получить поддержку беднейших слоев населения, на выборах добиться постов алькальда в бедных городских кварталах, что давало реальную возможность как-то действовать. В бедных городских районах они организовывали центры досуга, психологической поддержки и дополнительного образования для женщин («Дом женщин»), молодежи («Дом молодежи»), пожилых людей («Дом для всех»), а также сеть детских садов и специальных центров для недоедающих детей. Гуманисты занимались улучшением школьного образования в бедных районах (организация курсов подготовки в высшие учебные заведения для молодежи при участии волонтеров — студентов, молодых университетских преподавателей, и т.д.). Для женщин при поддержке муниципальных и центральных властей создавались курсы профессиональной подготовки и новые рабочие места в сфере услуг (швейных мастерских, небольших магазинов, кондитерских)¹⁸.

Важную социальную роль играла психологическая и медицинская поддержка особо дискриминируемых социальных групп (ВИЧ инфицированных, наркоманов, сексуальных меньшинств, несовершеннолетних матерей-одиночек, женщин — жертв домашнего насилия). Этой деятельностью в рядах гуманистов активно занимались студенты-психологи и только что окончившие курс молодые специалисты, нуждавшиеся в практическом опыте, но в то же время обладавшие большим чувством социальной ответственности. Автора в свое время (в 1994 г.) поразила активность и самоотверженность именно рядовых участников Гуманистического движения, их глубокая убежденность в том, что постоянная «низовая» работа в самых неблагополучных, бедных районах Сантьяго, «практика малых дел» рано или поздно приведет к качественным социальным переменам.

Активисты также вели серьезную просветительскую работу с населением бедных кварталов, не только воспитывая толерантность, взаимопонимание, чувство собственного достоинства, но и просто информируя людей об их правах и других жизненных возможностях. Особенно актуальной для периода 90-х годов была социально-психологическая работа с женщинами из неблагополучных районов, практически не имевшими представления ни о своих правах внутри семьи, ни о способах защиты от домашнего насилия. Большую роль в этой деятельности играли представительницы среднего класса — успешные, весьма состоятельные женщины, отправлявшиеся после работы в бедные городские кварталы для общения с их жителями, участия в каком-нибудь празднике, ведения своего «кружка» и другой «активности». («Мы очень активные люди, — говорили они, — и все время чувствуем свою ответственность».)

Гуманисты участвовали и продолжают участвовать в традиционно существующих формах социальной работы на местах, например, в «центрах прямого действия», созданных желающими построить собственное жилье

или решить какую-то иную проблему, связанную с городской инфраструктурой, — от установки светофора напротив районной школы до ремонта детского сада или оснащения досугового центра.

Практика работы чилийских гуманистов в беднейших районах Сантьяго представляет собой характерный пример взаимодействия политической партии и низовой социальной деятельности. Прагматическая задача получения поддержки на муниципальных выборах, которую преследовали партийные функционеры, рассматривавшие муниципальный уровень как ступеньку для дальнейшего карьерного роста, всегда сочеталась с действительно эффективной работой на местах. Показательно, что гуманисты, как и другие политические течения, как низовые христианские общины, работающие в бедных районах, стремились решить или хоть как-то смягчить проблемы самых незащищенных групп общества, которые, как правило, не находили реалистического и конкретного выражения в правительственных программах. Важнейшим моментом всегда являлось то обстоятельство, что реализация большинства социальных проектов происходила обычно во взаимодействии с муниципальными властями, бизнесом, но на основе активной и целенаправленной позиции самих жителей.

Таким образом, если реализовать серьезные партийные амбиции в большой политике гуманистам оказалось весьма сложно, то их деятельность на уровне гражданского общества стала той сферой, где они состоялись, стали заметны и смогли проявить свои лучшие профессиональные и человеческие качества.

Подводя итог размышлениям о деятельности латиноамериканского Гуманистического движения, приходится задать естественный вопрос: почему все-таки из этой идеологии, предлагающей столь правильные и привлекательные для человека принципы жизни, личных взаимоотношений, участия в политике и организации политического пространства, не выросло действительно масштабного идейно-практического течения, например, какого-то нового варианта социализма? Ведь в самом начале пути имелись все необходимые, казалось бы, составляющие: личность основателя, комплекс своеобразных политико-философских идей, изложенных в многочисленных публикациях доступным и ярким языком, энтузиазм и увлеченность последователей, социальная практика, определенная известность и интерес в обществе. Тем не менее известность не стала настоящей популярностью, активность на местах не выросла в целенаправленную, организованную и успешную политическую деятельность, международные конгрессы гуманистических партий так и остались привлекательной тусовкой для приятных, милых и увлеченных гуманистическими идеями людей, весьма благополучно вписанных в современное общество.

Формирования нового политического феномена не произошло, что имеет несколько возможных объяснений. Прежде всего, недостаточная для большого политического проекта яркость, резкость и, соответственно, востребованность предлагаемой идеологии; недостаточная человеческая индивидуальность и харизматичность партийных лидеров; весьма специфический психологический портрет рядовых активистов и последователей, к

которым более всего применима характеристика «хорошие», «правильные», «симпатичные», «стремящиеся к альтернативному образу жизни». Имеющегося фундамента и задора, способности к самоотверженной работе оказалось недостаточно для формирования нового влиятельного альтернативного течения, принципиально по-другому отвечающего на вопросы о смысле жизни, о функции политики и призвании политика, о демократии и развитии, о роли человека в современном мире. В контексте таких вызовов и проблем Гуманистическое движение, несмотря на свое название, остается амбициозным и протестным на словах, но весьма скромным на деле социально-политическим течением, главная цель которого — критика существующей модели развития. В этом отношении гуманистам, несмотря на человеческую привлекательность их позиции, трудно сказать и тем более предпринять что-либо новое.

Жива, интересна и, безусловно, успешна лишь низовая социальная практика. Именно эта деятельность дает наблюдателю и исследователю реальное представление о том, сколь многого могло бы достичь низовое социальное движение, объединенное общими целями и задачами, общим эмоциональным настроением, перейди оно на другой, более высокий институциональный уровень. Однако и то, что в итоге реализовано, — неформальная искренняя многолетняя социальная работа, направленная на улучшение повседневной жизни «снизу» своими собственными усилиями, — действительно представляет исследовательский интерес, наглядно демонстрирует возможности «человеческого фактора» в социальном развитии и заслуживает особого внимания как национальный вариант активности гражданского общества в Латинской Америке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ S i l o. Humanizar la Tierra. Buenos Aires, 1989.

² S i l o. Experiencias guiadas. Barcelona, 1989; S i l o. Contribuciones al pensamiento. Buenos Aires, 1991; S i l o. Mitos raíces universales. Buenos Aires, 1991; S i l o. Cartas a mis amigos. Santiago, 1993.

³ S i l o. La crisis de civilización y el Humanismo. — Hacia la No-Violencia Activa. Una introducción al Humanismo Universalista. Madrid, 2004, p. 144 —145.

⁴ Ibid., p. 144.

⁵ Ibid., p. 147.

⁶ См., например: С.М о с к о в и ч и. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996; Х.О р т е г а - и - Г а с с е т. Эстетика. Философия культуры. М., 1991; В.Ф р а н к л. Человек в поисках смысла. М., 1990; Э.Ф р о м м. Иметь или быть? М., 2000; Э.Ф р о м м. Бегство от свободы. М., 2008; К.Г.Ю н г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.

⁷ Съезд «Хьюманист Интернешнл» в Москве? — Полис, 1992, № 3, с. 182.

⁸ К.Я с п е р с. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 445.

⁹ Э.Ф р о м м. Бегство от свободы. М., 2008.

¹⁰ S i l o. Humanizar la Tierra, p. 76, 84.

¹¹ P. F i g e r o a. Op. cit.

¹² T.R i c h a r d s, H. N o v o t n y, C.P o r t e l. Experiencias con el Umbral con el Mensaje de Silo. Rosario, 2007; P.F i g e r o a, C.B a u d o i n, H.N o v o t n y. La conciencia inspirada en la Filosofía, el Mística, el Arte y la Ciencia. Buenos Aires, 2013.

¹³ Коалиция Concertación была создана в 1988 г. на основе соглашения оппозиционных военному режиму партий, из которых главными были социалисты, представ-

ленные несколькими партиями — Partido Socialista de Chile (PS), Partido por la Democracia (PPD), Partido Radical Socialdemócrata (PRSD), — и христианские демократы — Partido Demócrata Cristiano, PDC.

¹⁴ Л.Родригес не смогла доработать свой депутатский срок из-за преждевременной смерти в 1992 г., в возрасте 35 лет.

¹⁵ Мажоритарная система квалифицированного большинства, разработанная в 1988—1989 гг., принуждала отдельные партии вступать в коалиции и обеспечивала раздел политического поля между двумя крупнейшими игроками: объединением левоцентристских сил (Concertación) и правой оппозицией. На практике при этой системе от каждого округа в конгресс должны быть избраны два представителя. Во время выборов формируются списки из двух кандидатов, представляющих разные блоки. Избранным считается тот, кто набрал наибольшее число голосов в своем списке, даже если его результат в абсолютном значении хуже, чем результат соперника из другого списка, оказавшегося на втором месте. В период демократизации эта система обеспечивала политическую стабильность и структурировала политическое пространство вокруг Concertación и правоцентристской коалиции. — Е.Ю.Богущ, А.А.Щелчков. Политическая история Чили XX века. М., 2009, с.205.

¹⁶ <http://www.partidohumanista.cl/>; <http://marcel2014.tumblr.com/>.

¹⁷ Мануэль Хавьер Родригес Эрдоиса (1785—1818) — национальный герой Чили, юрист, военный и политический деятель. Один из «отцов» независимости страны.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Л.В.Дьякова. Гуманистическое движение в Чили: низовая социальная практика. — Латинская Америка, 1996, № 4.